

## Наша Девочка

Сегодня, 24 ноября 2009 года, Лизе исполняется... исполнилось бы 24 года.

Лизонька родилась здоровым, активным ребенком. Мы были молоды, полны надежд на будущее, которое уже начало осуществляться (как раз перед её рождением я защитил кандидатскую диссертацию). Лизонька сразу стала любимицей всей семьи, включая, конечно, и семилетнюю Марину, которая долго уговаривала нас "родить ей сестренку" и даже придумала ей имя – Лиза...

Лизонька редко плакала, много улыбалась, смеялась. Уже в ~1.5 года любила наряжаться и крутиться перед зеркалом. Сразу было видно, что растёт маленькая "женщинка". Скоро мы заметили, что она и очень чувствительная, сострадательная девочка.

Когда мы переехали в Израиль, Лизоньке было почти 5 лет. Она жалась к маминной ноге и говорила: "Почему они все кричат?.." А мы отвечали: "Нет, это они так разговаривают..." Вскоре после приезда мой отец попал в реанимацию больницы "Ротшильд". Лизонька очень переживала. Потом всегда, когда мы проезжали мимо этой больницы, она отворачивалась, не хотела на нее смотреть, потому что "...там лежал дедушка, и ему там было плохо..." А когда дедушка умер (5 марта 1993 года, ровно за десять лет до того дня...), она взяла камешки с могилы, и хранила их у себя в столе...

Очень скоро Лиза освоилась в новой жизни, начала говорить на иврите (в садике никто не говорил по-русски), в 5 лет пошла в школу. Нам казалось, что в школе их мало чему учат (как здесь говорят, "бли лахац" – то есть "без давления"). И поэтому мы её нагружали всем, чем могли, на наши скромные "олимовские" доходы. К тому же мы хотели, чтобы она сохранила русский язык, русскую культуру.

Лизонька охотно ходила на всевозможные кружки: народные танцы, художественная гимнастика, английский (Лена нашла настоящую англичанку, и собрала для неё группу "олимовских" детей, желающих изучать английский), музыка (скрипка в консерватории им. Рубина, частные уроки по фортепиано), русский язык и литература (тоже кружок, организованный специально для наших детей), рисование и композиция (занятия у художника Ирины Барилев, которые дали Лизоньке очень много – она научилась видеть окружающий мир каким-то своим взглядом. Ирина Львовна Барилев, известная ленинградская и израильская художница, диссидентка, специалист по развитию творческих способностей у детей, лауреат премии ЮНЕСКО, заслуживает, конечно, отдельного рассказа)...

Одни кружки заменялись другими, как правило, более серьёзными. С детским ансамблем народного танца "Цаирим Бэмахоль" Лиза ездила на гастроли в Германию (ей было 11 лет, и она была самой младшей в ансамбле). После начальной школы она хотела поступить в школу искусств "Реут". Но мы воспротивились: считали, что там не дадут реального образования, а прокормиться потом "притопами-прихлопами" будет трудно. В течение года Лиза "обрабатывала" нас, пока, наконец, мы не сдались (тем более выяснилось, что уровень общего образования в "Реут" даже выше, чем в обычной школе). Экзамены на два отделения, музыки и танца, она прошла успешно, а когда её спросили, что же она выбирает, она вдруг сказала: "Театр..." Пришлось

проходить третий экзамен, и её взяли на отделение театра. Нам она объяснила свой выбор совсем не по-детски: "Я просто хочу лучше понимать людей..." Надо добавить, что прохождение экзаменов совсем не гарантировало поступление в школу "Реут". Оказалось, нужно ещё получить разрешение от министерства образования на перевод в другую школу. С большим трудом Лене удалось убедить главного чиновника городского отдела министерства, что "надо дать девочке шанс..." Как Лизка прыгала, узнав, что разрешение получено! Она тут же позвонила Марине и кричала в трубку: "Я не могу стоять! Я прыгаю! Это только моя мама могла получить это разрешение!..."

Мы жили обычной жизнью. Работали, пытались наладить даже какой-то бизнес, руководствуясь простым принципом: "Если хочешь быть счастливым – будь им!" И казалось, что действительно это получается. Но Лиза нас иногда ставила в тупик: "Вы не хотите видеть проблем". Мы говорили: "Какие проблемы? Все хорошо!.." А она: "Я не хочу засовывать проблемы "под скатерть"!.."

Проблемы, конечно, были. Наши интернационалистические убеждения столкнулись с жизнью, с непримиримостью наших "соседей". Уже гремели теракты, взрывались автобусы, расстреливали машины с женщинами и детьми. А нам все казалось, что счастье возможно. Что все наладится. А Лиза жила внутри этого общества. Её оценки поведения людей (и мотивов их поведения) становились всё глубже. Ей трудно было примирить те идеалистические представления, которые мы (и все школьные занятия) ей прививали, с тем, что она видела вокруг. Подруги делились с ней самым сокровенным, вываливали на нее все свои проблемы. Она пыталась им как-то помочь, советовалась с нами... Так получилось, что Лиза стала для своих друзей и подруг чем-то вроде личного психолога. Хотя ей это было ещё не под силу: она слишком близко всё принимала к сердцу, а реально помочь не могла. И это её разносило. Наши попытки оградить её от таких подруг ни к чему хорошему не приводили. И к тому же у нее самой начался переходный возраст. Она пыталась разобраться сама с собой: что она сама хочет? Кто она вообще? В чем её талант? (вокруг такие талантливые ребята, и в каждой области есть те, кто её превосходят...) И мы, к сожалению, не очень могли ей помочь, потому что сами не понимали. А её талант как раз и был в понимании людей. Её оценки были поразительно точны. Одной фразой, иногда одним словом, она могла охарактеризовать человека, или семью. О нашей семье она сказала так: "Без папы этот дом был бы сумасшедшим. А без мамы – мёртвым". И мы не могли это лучше сформулировать. Если она говорила о мальчике: "Он... – мужик!" - мы понимали, что на этого парня можно положиться. Некоторых из наших знакомых она характеризовала сравнением с животными. Она говорила: "Он – крыса..." или "Это – карликовый доberman-пинчер!" и мы вдруг по-другому видели этого человека. Она без ошибки определяла фальш и с детской бескомпромиссностью говорила об этом, иногда нам, иногда учителям в школе. Как сказала её школьная подруга Рони: "Она не вписывалась в привычные рамки, часто разрушала их, но ей это прощали, потому что она всегда могла себя объяснить..." И самое главное, она не просто понимала людей, она сочувствовала, сострадала. Она принимала человека с его недостатками. Обычно это не умеют делать не только дети, но и многие взрослые. В школе её называли "шилгия", то есть "белоснежка". Нежная белая кожа, зеленые глаза, темные волнистые волосы, ярко-красные губы и успокаивающая, согревающая улыбка. Её улыбка была не просто знаком приветствия. Один из ребят, которого

она знала только по имени, написал, что у нее была “врачующая улыбка”. Наш сосед по дому, израильтянин, прошедший почти все израильские войны, не склонный к сантиментам, говорил нам: “Если я встречаю Лизу с утра, перед школой, и она улыбается мне, я понимаю – она “сделала” мне день, сегодня всё получится...”

Пятнадцатилетняя Лиза с женской мудростью объясняла маме непрерывный поток звонков от мальчиков: “Сначала они все в меня влюбляются, но потом я перевожу их в категорию друзей...” Действительно, потом многие мальчики приглашали Лизу в кафе, и часами они общались, делились своими планами, идеями. Атмосфера в школе была творческая, ребята сами снимали фильмы, ставили спектакли, занимались в научных кружках. Лиза была ведущей школьного телеканала “В центре событий”, и сама была в центре и в курсе всех главных событий школьной жизни. Она снималась в нескольких школьных фильмах. На отделении театра ставили сцены из классических спектаклей: “Антигона” Софокла, “Чайка” Чехова, миниатюры Хануха Левина. Лиза участвовала почти во всех постановках. Она играла Антигону, Нину Заречную, ей давали роли героинь. Последняя постановка, которую Лиза репетировала со своими ближайшими подругами, Рони Ливне и Хэн Бродер – “Самые лучшие подруги”, по пьесе известной израильской писательницы Анат Гоф. Эту, последнюю роль, Лизонька не успела сыграть. После школы, 5-го марта 2003 года, она поехала выбирать костюмы для этой постановки, для себя и своих подруг...

Лиза никогда не ошибалась в одежде. Как объяснила нам Ирина Барилев, у нее был абсолютный вкус (бывает абсолютный слух, а бывает, оказывается, и абсолютный вкус к сочетанию цветов и линий). У Лизоньки был свой, всегда узнаваемый стиль в одежде. Подруги часто просили её пойти с ними за покупками. Марина тоже безоговорочно полагалась на её вкус. Даже Лена, сама обладающая отменным вкусом, часто советовалась с Лизой, начиная с её 9-летнего возраста. Именно тогда она в первый раз, скорее в шутку, спросила её в магазине, примеряя кофточки, какая ей лучше идёт. И получила неожиданный ответ: “А в каком стиле ты хочешь выглядеть?” Позже, уже в возрасте 15-16 лет Лиза говорила: “Мамочка, у тебя хороший вкус, но ты не всегда различаешь нюансы...”

В свободное время Лиза слушала музыку, рисовала, записывала свои сокровенные мысли в дневник. Альбом с рисунками она почти всегда носила с собой, особенно в последнее время. Он был с ней и в автобусе. Потом мы его не нашли. Нам принесли только её обгоревший, пробитый во многих местах дневник.

На последней странице своего дневника Лиза записала мысли, вдруг так поразившие её, о том, что каждый человек неповторим:

“Твой мир, твоё очарование, твоя тонкость, твоя красота, твоё остроумие, твоя мудрость, твоя нежность, твоя чувствительность, твоя улыбка, твоё легкое прикосновение, твой запах, твоё благородство, прикосновение чернил к бумаге, ведомых твоей рукой, пальцы, скользящие по волосам, подбородок, легко опирающийся на колено, тепло, идущее от тебя, свет, который ты приносишь, твоё тонкое, согревающее присутствие, границы, которые ты сама себе ставишь, твои мысли, твои глаза, сияющие или далекие ... Они... они только твои...”

Марина и Лиза были самыми близкими подругами. Обе искренне гордились друг другом. Марина опекала маленькую Лизку, всегда кидалась на её защиту.

Первый вопрос, когда она возвращалась домой: “А ребёнок дома?” (Она звала её, как и Лена, “ребёнком”, а я звал - “детка”). Но примерно к 14-летнему возрасту Лизоньки, их семилетняя разница стала всё меньше чувствоваться. И уже часто Лиза поддерживала и давала советы Марине. Она стала своей в компании Марининых друзей, ходила с ними на танцы в Технион, по долгу общалась со многими из них по телефону или в кафе (один из любимых видов отдыха). Марина доверяла Лизкиной интуиции. Когда Лизонька сказала ей про Адама, что это то, что Марине надо, не было ещё и намека на будущую романтическую любовь, свадьбу... У Марины тогда вообще был другой парень. Но Лиза оказалась стопроцентно права, что выяснилось очень скоро. По словам Адама, он выиграл дважды: получил сразу и любимую жену, и любимую сестру. Они стали с Лизой настоящими друзьями.

Лучшие рисунки Лизоньки остались в том альбоме. Нам и в голову тогда не приходило их сфотографировать, сохранить... Запомнился один рисунок, к которому она часто возвращалась, переделывала. Обнаженная девушка-дерево, у которой ноги-ствол и руки-ветви опутаны лианами-веревками... Наброски сохранились в других альбомах, но последний, самый лучший вариант пропал. Ирина Барилев пыталась по памяти восстановить этот рисунок, но у неё вышел другой, конечно, мастерский рисунок... Он затем был в увеличенном масштабе перенесен на наружную стену школьной синагоги, примыкающей к саду имени Лизы Кацман...

Лиза много фотографировала. Мы привезли из Японии фотоаппарат Cannon, непрофессиональный, но очень приличный. Лизонька так обрадовалась ему, что нам ничего не оставалось, как сказать, что это подарок ей, и только спросить, разрешит ли она нам иногда им пользоваться (разрешение, конечно, тут же было получено). Многие Лизины фотографии, по сюжету и по композиции, были готовыми картинами. Она снимала отдельный листок, просвеченный солнцем, или верблюда с особым поворотом головы, или просто гитару в определенном интерьере. Фотографировала своих подруг и друзей, пытаюсь проявить их лучшую сущность. Некоторым фотографиям она давала названия, как например, “Дуэт”, в которой два водопада сливаются в один, про другие объясняла: “Это – одиночество...” (одинокое засохшее дерево в пустыне). Некоторые мы поняли позже. Вот взгляд из-под нависшей тёмной скалы, а впереди - освещенные солнцем белые скалы, люди, светлое небо, море. Это – “тиль итбагрут” (переходный возраст). А вот восход над Мертвым морем. Купол солнечных лучей как благословение. Наш знакомый, японский профессор Ивао Катаяма, повесил эту фотографию у себя дома и разослал всем своим знакомым. Возможно, она напоминает японцам их священную гору Фудзияма...

Самым важным событием последнего года нашей счастливой жизни стала свадьба Марины и Адама. Лиза не могла удержаться и рассказывала всем вокруг, что её сестра выходит замуж. Её очень вдохновляли отношения Марины и Адама, которые действительно светились счастьем. На свадьбе Лиза пела для Марины и Адама песню “Латет” (“Отдавать”), которую долго выбирала, переслушала кучу дисков у Керен, Марининой подруги. Слова: “Делиться сердцем и душой...” - это было именно то, что она искала. Лизин голос, теплый и искренний, остался в памяти у многих.

За неделю до свадьбы, 24 ноября, Лизоньке исполнилось 17 лет. Она к этому времени стала настоящей красавицей. Но сама это не вполне понимала. Стеснялась маленького прыщика на подбородке, щербинки на носу, которая осталась после ветрянки (она переболела ей в 14 лет), раздражения на руках

выше локтей... Она пожаловалась на это Гилю, близкому другу Адама и Марины, и услышала в ответ: “Люди платят миллионы, чтобы так выглядеть!” Это её успокоило, придало уверенности, за что отдельное спасибо Гилю. На свадьбе Лиза была в простом черном платье, без грамма косметики. Но она была так ослепительно хороша, что фотограф ходил за ней по пятам, и ловил её с разных ракурсов. Но она это не замечала...

Кем Лиза хотела стать? Кем бы она была сейчас? Она интересовалась психологией, мотивами поведения людей. Для школьной работы по социологии она выбрала тему “Взаимное влияние моды и представлений о мужественности и женственности в разные исторические периоды”. Тема, подходящая больше для докторской работы. Но это действительно её интересовало: откуда берется мода? Не формирует ли мода человеческие стереотипы? Лизонька много смотрела рекламу (чем нас сильно раздражала, пока мы не поняли, что она изучает, как строится реклама, как её создатели пытаются воздействовать на людей, на их решения.) Возможно, она занималась бы созданием рекламы в качестве психолога-консультанта. Она думала о профессии художника-дизайнера, и отчасти готовилась к ней, занимаясь у Ирины Барилев. Но волновали её человеческие отношения, понятие справедливости, поэтому иногда ей хотелось быть адвокатом. Она была на распутье, не знала точно, кто она, что же она хочет. На то и есть у нас возраст 17 лет...

Ни Рони, ни Хэн не смогли в тот день поехать, и она пригласила Таль Керман, ещё одну свою подругу ... День был замечательный. Особенно синее, ранневесеннее небо, свежесть, которая не холодит, а приятно бодрит. Это был из тех дней, когда кажется, что все хорошо, а будет ещё лучше, и хочется жить...

Лиза и Таль погибли в городском автобусе, который взорвал террорист-смертник...

Александр Кацман,  
24 ноября 2009 года.